

Лара Таганская

Метаморфоза Царицы

<https://litres.ru/74392089>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самые страшные легенды начинаются с фразы: «А со мной вот что было».

«Метаморфоза Царицы» — мистическая повесть, вдохновлённая реальной историей.

Мёртвая ведьма, при жизни носившая титул Царицы, избрала Наталью своей наследницей. Теперь каждую ночь тело девушки подчиняется чужой воле: кровь смешивается с землёй, шелестят страницы древней книги — так передаётся тёмная сила. Но Царица жаждет не только власти над телом — ей нужна любовь, единственное, что ещё осталось у Натальи.

Три ночи. Три ритуала. Одна непомерная цена.

Сможет ли героиня выдержать испытание трёх ночей и сохранить в себе свет? Или тьма поглотит её без остатка?

Содержание

Глава	4
Глава первая. Ограда	5
Глава вторая. Чёрные перья	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лара Таганская

Метаморфоза Царицы

Глава

Повесть

Автор Лара Таганская

Глава первая. Ограда

Село наше раскинулось на берегу Азовского моря, под Таганрогом, там, где степь встречается с водой. Море здесь мелкое, ласковое и по-южному сонное — даже в полдень оно едва слышно дышит, переливаясь мутновато-зелёным с серым. Но главная красота этих мест — весенняя. В апреле степь вдруг взрывается алым и лиловым: дикий тюльпан полыхает ярче факелов, а низкорослый ирис отливает сизым бархатом. Это цветение длится недолго — всего две-три недели, ровно до тех пор, пока южное солнце не начинает выжигать зелень дотла. И тогда степь превращается в глухое жёлто-бурое море ковыля и сухостоя.

Воздух здесь — отдельная песня. Он терпкий, густой, травяной, с обязательной морской горчинкой, которая оседает на губах невидимой плёнкой. В нём, как в хмельном настое, перемешаны полынная горечь, пыльца разнотравья, разогретый суглинок и сладковатый, чуть гниlostный запах ракушечника, нагретого за день. Этот воздух пьянит сильнее любого вина — особенно на закате, когда солнце, багровея, тяжело валится за горизонт, садясь прямо в воду, и тогда всё небо от края до края разливается густым цветом старой меди, а море, отражая этот пожар, становится тёмным, как кованое железо, и лишь тонкая золотая дорожка дрожит на середине, словно последний вздох уходящего дня.

Село стоит на обрыве, и дорога к морю круто уходит вниз, петляя между тёрном. По весне эти кусты зацветают бело-розовым, и кажется, будто вся земля покрыта свадебной фатой, а ветер с моря колышет цветы, как живые. Но уже к июню остаются степной шалфей, чабрец и преимущественно полынь — она повсюду: на пустырях, вдоль дорог, на древних скифских курганах, которых здесь немало. Её запах, горьковатый и пряный, въедается в одежду, в волосы, в память.

Дома в селе стоят вразнобой, будто каждый сам выбирал себе место под солнцем, — и всё же в этом нестройном ряду чувствуется своя, особая гармония. Преимущественно они из красного кирпича, и в лучах рассветного солнца кладка отливает тёплым, чуть приглушённым терракотовым оттенком.

Заборы здесь словно летопись деревенской жизни — каждый на свой лад, каждая ограда со своей историей, как отдельная глава. Одни — из старого штакетника, когда-то ярко крашенного, а теперь выцветшего до прозрачности: голубой превратился в бледный цвет утреннего неба перед рассветом, зелёный выгорел до сухой, почти жёлтой травы. Другие сколочены из обрезков штамповки, что свозили с таганрогского завода, — ржавые, шершавые на ощупь, они держатся на одном упрямстве. Третьи — из сетки-рабицы, и в неё, как в старую пряжу, намертво вплелись дикий виноград и вьюнки: летом они затягивают ограды густой зелёной вуалью, непроницаемой, как занавес, пряча от чужих глаз тихие

дворики и чужие семейные тайны.

По утрам село просыпается от петушиного крика — резкого, звонкого, будто первого аккорда в песне нового дня. Он раскатывается над крышами, будит собак, степенных котов и даже самых упрямых сонь. А чуть позже, когда солнце уже золотит крыши, женщины сходятся на сельском рынке — и тут начинается настоящая жизнь. Они обсуждают все новости подряд: водоканал опять трубы роет у остановки — говорят, до зимы не закопают; новый участковый врач приехал — важный такой, и все гадают, куда он по утрам ходит, и кто с ним поздоровался, и что он ответил; а у бабы Мани неизвестная собака передушила всех цыплят — теперь та плачет и грозит написать в райцентр. А ещё — огородные дела: у кого в этом году помидоры уродились крупные, мясистые, с тем самым привкусом, что бывает только у своих, домашних; а у кого — чахлые и мелкие, и хозяйки вздыхают, прикидывая, хватит ли на закрутки.

На берегу лежат перевёрнутые лодки — словно огромные спящие рыбы, ненадолго выброшенные на сушу. На песке рассыпаны пустые ракушки, будто забытые кем-то перламутровые монеты. Тут же валяются обрывки сетей и битое стекло, которое море долго качало в своих волнах и отшлифовало до гладкой, почти драгоценной округлости — теперь эти стекляшки поблёскивают среди песчинок, как крошечные самоцветы. Рядом притулились старые поплавки из пробки, выброшенные волнами: лёгкие, пористые, они напоминают о

рыбачьих буднях и о том, как тесно здесь переплелись жизнь людей и дыхание моря.

По вечерам, когда солнце уходит за горизонт, в селе зажигаются жёлтые окна — одно за другим, как светлячки в траве. В домах закипают чайники, пахнет жареной рыбой и зелёным луком, слышен звон посуды — кто-то моет тарелки после ужина, кто-то собирает детей ко сну, кто-то сидит на крыльце, глядя в темнеющее море, и молчит. Где-то играет музыка — хриплый голос Высоцкого плывёт над селом, над морем, пока не растворяется в ночи.

На краю села, возле моря, в небольшом доме с воротами, выкрашенными в шоколадный цвет, и забором из штакетника, за которым растёт старая яблоня, — жила Наталья. Молодая женщина, красивая, дородная, с густыми русыми волосами, которые она заплетает в толстую косу и укладывает вокруг головы, когда работает в огороде или по дому. Лицо у неё открытое, с высокими скулами и тёплыми карими глазами.

Она ждала своего супруга Илью, который вахтовал, и каждый его приезд был для неё праздником.

Детей они так и не нажили, и это была её тайная боль. Три года пытались — и ничего. Врачи в районной поликлинике разводили руками, говорили про «идиопатическое бесплодие» и советовали ехать в Ростов обследоваться. Илья молчал, но Наталья видела, как он грустно смотрит на чужих ребятшек, играющих в догонялки, и вздыхает. Она чувство-

вала эти вздохи, но делала вид, что ничего не замечает. Свёкор, который жил через три дома и доживал свой век в одиночестве, однажды, уже перед самой смертью, сказал сыну прямо: «Бери другую, эта пустая. Я хочу внука, пока не помер». Илья в ответ вспылил и с отцом долго потом не разговаривал. А старик умер через полгода — прошлой осенью, когда ветер с моря принёс первые холода. Наталья на похоронах не плакала — слёз не было. Только внутри сидела холодная, острая заноза.

Прошла унылая осень, отхолодила зима, пришла весна, и Наталья впервые за последние месяцы расправила плечи, глубоко вдохнула морской ветер и улыбнулась — солнцу, яблоне, набухшей почками, и даже своему отражению в оконном стекле. Она снова хотела жить, хотела верить, хотела ждать.

Пасха была на носу, и по обычаю в селе ходили в чистый четверг на кладбище — красить оградки, приводить в порядок могилы, чтобы встретить светлый праздник с чистой совестью. Но у Натальи не сложилось в чистый четверг, собралась только к страстной пятнице.

Ближе к вечеру за Натальей зашла Вера, её подруга с детства, — рано овдовевшая женщина, крупная, с громким голосом, с руками, привыкшими к тяжёлой работе, и с глазами, которые видели много такого, о чём она не любила вспоминать. Вера была старше Натальи на пять лет, но выглядела на все десять — жизнь в селе, работа на птицефабрике,

бессонные ночи, когда поднимала троих детей, вымотали её раньше времени. Но Вера была добра, и Наталья любила её за эту доброту.

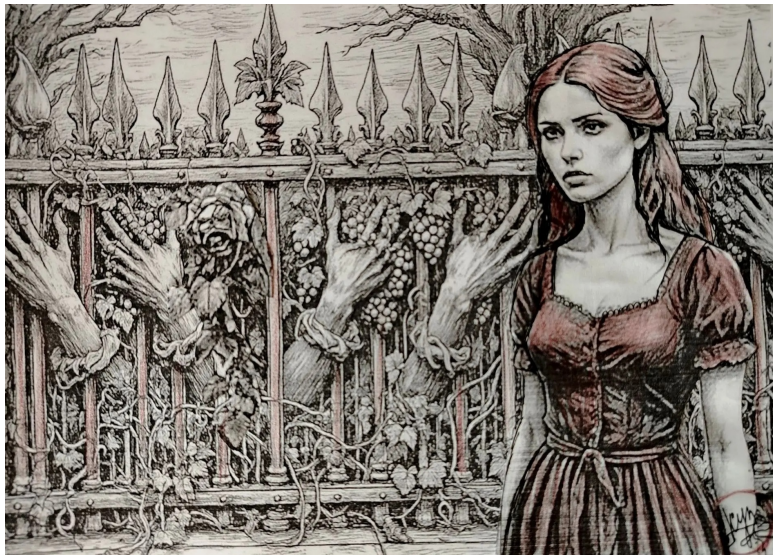
Взяли они вёдра, кисти, краску и отправились на взгорок, где старое кладбище смотрит на море. Дорога шла через овраг, заросший шиповником и акацией. Кладбище лежало на самой высокой точке, откуда море открывается на три стороны, и ветер гуляет по нему свободно, не встречая преград. Могилы были старые, многие — без оград, с покосившимися деревянными крестами, поросшими лишайником. На некоторых стояли памятники — гранитные, с выбитыми портретами, на которых лица смотрят с фотографий строго и печально.

Работали монотонно. Наталья красила лавочку у могилы своей матери, умершей пять лет назад, и думала о том, как та же мать говорила ей: «Дочка, главное — терпение. Всё придёт, если ждать». А что пришло? Пустота да суета. И больше ничего. Вера рядом скребла замшелый камень, причитала вполголоса, вспоминала покойников и перебирала в памяти сельские новости.

Солнце клонилось к закату, тени от крестов стали длинными и тянулись к ним, как чьи-то руки. Ветер стих, и в воздухе повисла странная, густая тишина — такая бывает только перед грозой или перед чем-то необъяснимым. Сойка, которая назойливо кричала на раскидистом каштане, замолкла.

Когда уже собрались уходить, на повороте, где тропинка ныряет за густой куст сирени, Наталья остановилась. За старой, почти лежащей на боку берёзой, белая кора которой отслаивается бумажными лоскутами, вдруг проступила ограда. Она была чёрной, кованой — но не грубой, а филигранной, словно ювелир тратил на неё годы. По ней вился железный виноград — каждая гроздь была отлита в форме, каждая жилка на листе вырезана с хирургической точностью. Он обвивал прутья вместе с розами, но те были закрытыми, сжатыми, будто задохнулись в момент цветения. А держали эту красоту руки — выкованные из того же металла, но слишком анатомичные: с сухожилиями, с буграми суставов, с острыми ногтями, пальцы изогнуты вверх и внутрь — Наталья не могла отвести взгляд. За оградой просто голый могильный бугорок земли — сухой, в глубоких трещинах, которые расходятся, как звезда.

— Какая странная могила, — сказала Наталья, и голос её в тишине прозвучал слишком громко.

Вера подошла, глянула — и побледнела так, что лицо её, всегда румяное, стало серым, как старая ветошь. Пальцы её вцепились в локоть Натальи.

— Пойдём, — прошептала она. — Пойдём отсюда, Наталья, ради Бога. Быстрее. Не смотри на неё.

— Что с тобой? — удивилась Наталья, но страх Веры передался ей холодным ознобом по спине. — Чья это могила?

— Царица, — выдохнула Вера и перекрестилась мелко, часто, почти истерично. — Это её могила, Наташа. Самая сильная в округе была ведьма. Пойдём, не называй её имя, не стой тут. Пошли быстрее.

Наталья высвободила руку и подошла ближе к ограде. Её вдруг потянуло туда, какое-то необъяснимое любопытство. Она наклонилась, разглядывая розы и металлические гроздья, и увидела на одном из листьев странное пятно — тёмное, почти чёрное, как засохшая кровь. Или ржавчина. Или что-то другое.

— Кто такая Царица? — спросила она, не оборачиваясь.

— Да ты что, Наталья, не знаешь? — Вера подалась вперёд, но на полушаге замерла, будто перед ней лежала пропасть. Она говорила почти шёпотом, хотя вокруг никого не было. — Это же её все боялись. Ведьма, которая жила здесь недалеко, у самого оврага, в доме с красной крышей. Помнишь, мы в детстве туда за черешней ходили, а потом бежали так, что пятки сверкали?

Наталья кивнула, хотя не помнила. Но перебивать не стала.

— Она знала такое, что и попам не снилось. Говорили, что может видеть сквозь стены и читать чужие мысли. Могла любого приворожить или отвадить — просто посмотрит в окно, и у тебя сердце замрёт от тоски. Могла человека скрутить так, что он потом до самой смерти хромал и сам не знал, почему. Её все боялись, не то что близко подходить. Имя её вслух не называли, только «Царица» и «Она». Если кто случайно произносил её настоящее имя — плюй через левое плечо и трижды крестись, иначе беда.

Вера оглянулась на ограду — и голос у неё сел.

— Когда умерла... два года назад, — она сглотнула, — священник даже отпевать не стал. Сказал, что занятие магией и колдовством расценивает как сознательное самоотлучение от церкви. Её так и похоронили, без отпевания. И крест на могилу не поставили, только холм этот голый. А потом, через год, какой-то мастер ей ограду эту привёз и поставил.

Вера выдохнула и отступила на шаг, опять за ту самую невидимую черту.

— Соседка баба Галя мне говорила, что видела, как тот мастер всё добросовестно сделал, чин-чином, а перед тем как уехать поклонился той могиле в пояс. И на вопрос, почему такая ограда, сказал: «Она сама мне всё нарисовала. Каждый листочек, каждый цветок... и сказала: так и сделай, как я хочу». Вот как, — закончила она.

Наталья медленно перевела взгляд на бугорок земли за оградой.

— Идём, — сказала Вера и уже не спрашивала, а тянула её за рукав. — Мы здесь слишком долго. Она не любит, когда смотрят.

Наталья посмотрела на подругу и неожиданно рассмеялась. Смех был громкий, он разнёсся по кладбищу и затих где-то в кустах, как будто его проглотила тишина. Она посмотрела прямо на могильный холм, на корку земли, и сказала без злобы, скорее с насмешкой, с вызовом, будто дразнила судьбу:

— Вера, опомнись. Мёртвая старая ведьма. Что она мне

сделает? Вот видишь — бугорок земли и железки. Всё, кончились твои дела, Царица. Лежи себе в земле. Кто тебя теперь боится?

Пальцы её коснулись железного листа винограда — металл был холодным, даже обжигающе холодным, хотя день стоял тёплый. И в тот же миг рядом с ними что-то рухнуло с глухим, громким стуком.

Это упал старый деревянный крест на соседней могиле. Он был трухлявый, подгнивший у основания, и переломился пополам. Верхняя часть креста упала на могильный холм и застыла, как указующий на Наталью палец.

Вера завизжала так, что у Натальи заложило уши, схватила её за руку, и они побежали. По тропинке, через кусты шиповника, мимо могил, через овраг — бежали, не оглядываясь, пока хватало сил. Вёдра гремели, кисти выпали и покапались по траве, оставляя неровные голубые следы, словно кто-то торопливо ставил точки в недочитанной книге.

Только у калитки они остановились, переводя дух. Лицо у Веры было влажным от пота, волосы растрепались.

— Ты накликала, Наталья, — сказала она. — Ты ей сказала, а она услышала. Она же Царица. Она не прощает.

— Ерунда. Крест старый был. От ветра упал, — выдохнула как-то неуверенно Наталья, пытаясь унять дыхание.

— Какого ветра? — закричала Вера. — Ты что, не видела? Тишина стояла мёртвая! Ни ветерка, ни птицы, ничего! Только ты сказала — и он упал.

Наталья не стала спорить. Они попрощались.

Наталья заперла калитку на засов, прошла в дом, закрыла дверь и привалилась к ней спиной, сердце колотилось, перед глазами плыли круги. Она взяла платок, чтобы вытереть лицо, и увидела — на запястье свежая царапина, длинная и тонкая. Из неё шла кровь. Наталья не помнила, когда и обо что поранилась. Возможно, о железный виноград. Возможно, о розы. Возможно, обо что-то другое.

Она обработала царапину зеленкой. Жадно выпила кружку воды. Села на кровать, глядя в тёмное окно. За окном появилась луна — огромная, жёлтая, и в её свете двор казался чужим, незнакомым. Где-то по соседству заливался сыч — плакал, как живой, жалобно и страшно. Наталья поднялась, задернула шторы.

Она легла, закрыла глаза, но сон не шёл. Только запах полыни — он просачивался через закрытое окно, через стены, и смешивался с запахом ладана из угла, где висела икона Богородицы. Полынь и ладан. Горькое и сладкое. Как жизнь.

Наталья взяла телефон, и холодный свет экрана вырезал из темноты её лицо. «Абонент вне зоны доступа», — прочитала она и задержала взгляд на этих словах дольше, чем нужно. Будто если всмотреться, они изменятся. Но они не изменялись. Она пролистала контакты, нашла его имя, и палец сам собой нажал на вызов — так привычно, так бессмысленно. Тишина. Как же мне его не хватает, — подумала она, и эта мысль была похожа на свет ночника: маленькая,

тёплая, но такая беспомощная перед огромной темнотой вокруг. Она смотрела на экран, пока тот не погас, и комната утонула в сером полумраке.

Глава вторая. Чёрные перья

Ночь началась в тяжёлой дрёме. Наталья ворочалась, сбивала простыню, вставала пить воду. Не могла напиться, вода казалась тёплой и противной. Она закрывала шторы, открывала их снова, смотрела в окно — там было пусто и темно, только ветер гнал по земле листья и обрывки травы. Но ей всё равно казалось, что за стеклом кто-то есть. Кто-то стоит и смотрит. Она прижималась лицом к стеклу, вглядывалась в темноту — и ничего не видела. Только собственное отражение.

После полуночи она заснула.

И началось то, что она не могла назвать сном. Это был провал, чёрная воронка, в которую уходило сознание, оставляя тело жить своей, отдельной жизнью. Она видела себя со стороны — но видела не глазами, а как-то иначе, изнутри, будто смотрела на себя через мутное стекло. Её тело медленно, с усилием поднималось с кровати. Босая нога ступала на холодный пол, и она чувствовала эту стылость, но не могла остановиться.

Ноги шли через веранду во двор, задевая плечом сухие пучки мяты, развешанные под потолком, — мимо вешалки, мимо полки с книгами, где пылились забытые тома, мимо старого рукомойника. Через двор в сарай. Сарай был тёмный, пропахший сеном и куриным помётом. В углу, за ли-

стом шифера, лежал топор — старый, тяжелый, с потрескавшейся деревянной рукояткой, с зазубринами на лезвии. Рука подняла топор, взяла его привычным движением, будто держала его много раз.

Куры спали на насесте, сбившись в чёрный ком. Их запах — сухой, тёплый, с примесью пера и помёта — наполнил ноздри. Руки выбрали одну — самую крупную, чёрную, с большим гребнем, которая была с краю. Пальцы схватили её за ноги, и курица забилась, захлопала крыльями, закричала пронзительно и страшно. Но руки держали крепко. Она вышла во двор, подошла к чурбаку для рубки дров, положила на него курицу. Та билась, перья летели во все стороны.

Наталья не чувствовала боли. Она не чувствовала страха. Она занесла топор и одним ударом отсекла голову. Кровь хлынула тёплым, густым ручьём — брызнула на руки, на лицо, на землю. Она стояла неподвижно, глядя, как голова катится по земле, как курица дёргается, как кровь стекает.

Пальцы сжали старую пол-литровую банку — из-под солений, с мутным стеклом и засохшим ободком на горлышке. Она подставила её под кровь, которая всё ещё сочилась из перерезанной шеи, уже не толчками, а ровной, усталой струйкой. Банка наполнялась медленно — густая, ещё тёплая жидкость поднималась по стеклу, оставляя на стенках

разводы. Когда банка наполнилась на треть, она поставила её на землю и пошла в огород, ступая босиком по сырой траве. В огороде она опустилась на колени и начала насыпать в банку землю — чёрную, жирную, пахнущую перегноем и дождевыми червями. Пальцы разрывали плотную почву, комья рассыпались в ладонях, смешиваясь с кровью. Она набивала банку почти до краёв, утрамбовывая землю пальцами. Потом поднялась, подошла к ведру у крыльца и долила воды доверху.

Рука перемешала содержимое. Жижa хлюпала между пальцами, тёплая, липкая, с комочками непромешанной земли. Пахло чем-то сладковатым, почти мясным — запах поднимался к лицу, проникал в ноздри, оседал на языке, но она не чувствовала тошноты. Она вырыла ямку под старой яблоней — там, где земля была мягче, где корни расступались, пропуская ладони. Поставила банку в яму, засыпала землёй, притоптала ногой — раз, другой, третий. На поверхности осталось лишь влажное тёмное пятно, чуть более сырое, чем вокруг. Куриную голову она бросила в бурьян за сараем. Перья разметала по двору: чёрные, маслянистые, они прилипали к траве, к ступеням крыльца, к калитке. Они лежали повсюду — наколотые на ветки сирени, застрявшие в щелях досок, примятые к земле, — как следы чьей-то страшной, безумной пляски. И она пошла обратно в дом. Не оглядываясь. Шаги были ровными, размеренными, как у человека, который делает привычную работу.

Она вошла в комнату, легла в кровать — закрыла глаза. Ресницы дрогнули, пальцы разжались, и сон накрыл её — глухой, тяжёлый, без сновидений.

Утром Наталья проснулась от сильной головной боли. Она вышла во двор, босая, в одной ночной рубашке, и застыла на крыльце.

Всё было в чёрных перьях. Они лежали на крыльце, прилипнув к деревянным ступеням. Они были на траве, на заборе, на колодезной крышке. Они висели на ветках, как странные цветы, и у калитки. Топор лежал у двери сарая, лезвие в крови и перьях, а рядом — чурбак, весь в тёмных подтёках.

Наталья прошептала:

— Господи, что это?

Она ничего не помнила. Только смутное ощущение — как после тяжёлого сна, когда знаешь, что что-то было, что-то страшное, но подробности ускользают, как вода сквозь пальцы. Она попыталась вспомнить, но в голове была пустота. Она посмотрела на свои руки — они были в ссадинах, под ногтями чёрная земля, на пальцах засохшая кровь.

— Соседская собака, — сказала вдруг она вслух, и голос её был хриплым и чужим. — Наверное, соседская собака зашла во двор. Куру убила. Ночью, когда я спала.

Но она знала, что врёт сама себе. Она знала это холодным, костным знанием, которое поднималось из глубины, как чёрная вода из колодца. Она видела следы босых ног на земле — свои следы, которые вели от крыльца к сараю, от сарая к

чурбаку, от чурбака к яблоне.

Вера окликнула её. Она стояла в калитке, не решаясь войти, будто за порогом был не Натальин двор, а какая-то запретная зона. Бледная, она прошептала:

— Наталья, я же говорила, я же предупреждала. Это она. Царица. Это её дела.

Голос Веры дрожал, и в нём слышалось что-то детское, беспомощное. Она смотрела на Наталью широко раскрытыми глазами, и в них был страх.

Наталья подняла голову — медленно, с трудом, будто шея одеревенела. Глаза её были пустыми, тёмными, без единой искры. И сказала:

— Замолчи, — голос её был злым, чужим, не своим. Он прозвучал низко, глухо. — Замолчи, Вера.

Вера отшатнулась, как от удара. Физически — всем телом, будто Наталья в самом деле замахнулась на неё. Лицо её побледнело.

— Ты... — прошептала она, но не договорила. Махнула рукой, отступила на шаг, другой — и быстро пошла по улице, не оглядываясь.

Наталья видела, как та уходит, и что-то внутри неё встрепенулось — она хотела окликнуть подругу, но её губы только сжались в тонкую линию.

Она сгребла перья, сожгла их в бочке за огородом. Тут же закопала курицу. Землю на месте побоища полила водой из ведра, пока не ушла вся краснота, пока не осталась только

размякшая грязь. Топор вымыла и положила в сарай. Чурбак завалила досками. И только когда всё было кончено, она села на крыльцо и тяжело выдохнула.

Потом она долго сидела в кресле — неподвижно, как изваяние, руки застыли на подлокотниках. Телевизор бубнил о чём-то радостном — голоса были громкими, жизне-радостными, бесконечно далёкими от того, что происходило внутри неё. Рекламные ролики сменяли друг друга: счастливые лица, яркие краски, ритмичная музыка, и всё это казалось издевательством, насмешкой над её состоянием. Она не смотрела на себя в зеркало — не хотела. А когда взгляд упал на тёмное стекло серванта, она вздрогнула: оттуда на неё смотрела не она — чужая женщина с тёмными, ничего не выражающими глазами, и в этом взгляде было столько спокойного, всезнающего равнодушия, что у Натальи похолодело внутри.

Днём Наталья возилась в огороде с рассадой, пытаясь отвлечься. Вдруг раздался тяжёлый, уверенный стук в калитку. Она подошла, приоткрыла — на пороге стоял Петрович, местный участковый, в камуфляжной куртке, с планшеткой под мышкой и неизменной сигаретой за ухом. Взгляд у него был усталым, но доброжелательным.

— Здорово, Наталья, — сказал он, приподнимая кепку.
— Не помешаю?

— Проходите, Петрович, — кивнула она, вытирая руки.
— Чаю сообразить?

— Спасибо, но нет, дел по горло. Проверка у нас. По участку нужно пройтись, ружья посмотреть. Весна, охотники активизируются, а кто как хранит — неизвестно.

Наталья вздохнула, но без раздражения — привычно, по-соседски.

— У вас ведь есть ружьё? — спросил Петрович, доставая из планшетки потёртый блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.